

ИННОВАЦИОННАЯ СЛОЖНОСТЬ

Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делёза Материалы «круглого стола»

Участники:

Аронсон Олег Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.; старший научный сотрудник. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: olegaronson@yandex.ru

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: varshinov@mail.ru

Буданов Владимир Григорьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: bvg55@yandex.ru

Кузнецов Василий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: vassilik@mail.ru

Князева Елена Николаевна – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: lepsky@tm-net.ru

Плахов Андрей Сергеевич – аспирант. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: denaryp@gmail.com

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

Свирский Яков Иосифович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: svirskhome@yandex.ru

Шулепов Евгений Максимович – бакалавр. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: e.shulepov@list.ru

Круглый стол посвящен актуальной проблеме, связанной со становлением парадигмы сложности. Для понимания специфики этой парадигмы в обсуждении используются ресурсы философской стратегии влиятельного французского философа Жюль Делёза. Такое использование, по мнению участников, может способствовать выработке концептуального аппарата, который позволит осмыслить процессы, происходящие в со-

временном сверхсложном мире. Творчество Делёза ориентировано на конструктивное взаимодействие с самыми разными реалиями современного мира: наукой, искусством, психологией, политикой и т. д. И потому весьма важно осмыслить, в какой мере концептуальный аппарат французского философа позволяет увидеть современный мир во всей его сложности. Тем более что такая сложность имманентно включает в себя конвергенцию гуманитарного (в том числе, философского), научно-технического и естественно-научного знаний, а также ориентируется как на междисциплинарные, так и на трансдисциплинарные исследования, выходящие за рамки конкретных дисциплин с полным учетом границ между ними. При этом следует принимать в расчет, что сегодня в стадии становления пребывают новые типы смыслопорождающих коммуникативных стратегий в сложностно осмысленном ризоматическом мире, возникают особые способы взаимодействий, опирающиеся на становящуюся парадигму сложности. Одной из сквозных тем круглого стола стал вопрос: почему мы называем что-то простым, а что-то сложным? Ибо то, что именуется «простым», далеко не всегда таковым является. По-видимому, здесь имеет место не столько дихотомия, сколько проблема, а может быть даже альтернатива, требующая, как бы то ни было, хотя бы примерного истолкования того, что следовало бы понимать под «простым» и «сложным»: указывают ли эти термины на некое «объективное» состояние дел в природе и во взаимоотношениях между человеком и природой (или Богом) или же они обозначают позицию, которую наблюдатель удерживает в связи с наблюдаемым, обозначают два способа отношения к познанию и бытию?

Ключевые слова: сложность, междисциплинарность, трансдисциплинарность, смысл, ризома, коммуникация, контекст, перепутанность

Я.И. Свирский: Прежде всего хочу высказать пожелание, чтобы выступления участников носили хотя бы оттенок спонтанности, чтобы выступающие находились в режиме диалога, реагировали друг на друга, как это и положено в сложном мире. Одновременно, на мой взгляд, не следует претендовать на предложение каких-то окончательных решений или ответов на возникающие вопросы. Скорее, стоит пусть только эскизно, но очертить те проблемные поля, которые возникают в связи с поднимаемой нами темой. Кроме того, следует обозначить, почему эта тема является важной и проблемной.

Замечу, что «парадигма сложности», несмотря на обилие за рубежом научной и философской литературы, посвященной данной теме, пребывает сегодня в стадии становления. Тут можно вспомнить о таких направлениях, как *Complex Systems Research* или *Theory of Complexity*. И, как мне кажется, творчество Жюль Делёза может внести свой вклад в понимание самой сути данной парадигмы. И хотя имя этого философа уже лет двадцать у всех на слуху, тем не менее его творчество, как и творчество его соавтора и друга Феликса Гваттари, тоже все еще находится на стадии освоения. Таковы мои личные впечатления. Я не претендую на истину в последней инстанции, но должен сказать, что когда вижу, как осваиваются тексты Делёза и Гваттари, у меня возникает недоумение, почему из всего корпуса текстов вынимаются отдельные концепты, а другие оставляются в тени, более того, игнорируются связи между ними. Например, кому-то понравился термин «тело без органов» (что он означает выяснить трудно, поскольку в текстах самого Делёза – ибо он концептостроитель – никаких прямых определений не дается), кто-то отдает предпочтение термину «ризома» (наиболее популярному сегодня), а кто-то обращает особое внимание на социологические штудии Делёза, работающего с понятиями «ма-

шина войны» или «аппараты захвата». Мне вспоминается несколько анекдотический случай, когда, лет тридцать назад, посетив в очередной раз Библиотеку иностранной литературы им. М.И. Рудемино, я обнаружил статью Делёза и Гваттари «Ризома» в разделе, посвященном сельскому хозяйству.

Ризома, безусловно, – прежде всего философский концепт, но также и некий образ, позволяющий не только осмыслить, но и прочувствовать особую (не только философскую) стратегию мышления, когерентную «парадигме сложности». Напомню в этом контексте, что термин «парадигма сложности» был введен крупным французским философом Эдгаром Мореном, переводчица текстов которого Елена Князева присутствует на нашем сегодняшнем обсуждении. Используется он не столь уж часто, и мне бы хотелось, чтобы в этой аудитории он обрел некую, если угодно, «плоть», будучи связанным, пусть даже опосредованно, с творчеством Делёза.

А теперь я попробую предъявить определенную позицию относительно различия «просто–сложное», попытаюсь как-то концептуализировать эти понятия, хотя бы чуть-чуть поднявшись над практически-житейским уровнем их понимания. Почему мы называем что-то простым, а что-то сложным? При чем то, что именуется «простым», далеко не всегда таковым является. В свое время на меня большое впечатление произвели строки из поэмы Бориса Пастернака «Волны»:

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.
Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

Мне бы хотелось озвучить точку зрения, несколько противоположную выраженной в стихах великого поэта. Простота – ересь, и чтобы впасть в нее, нужно увериться в «родстве со всем», но «все» – достаточно перепутано и усложнено, а потому (хотя почему?) «более понятно». Ясно, что стихи написаны глубоко верующим человеком, которому во всем хотелось «дойти до самой сути» и, по-видимому, именно в религиозном смысле понимающим термин «простота». Но одновременно автор этих строк прожил сложную, полную перипетий жизнь, отголоски которой можно усмотреть в знаменитом романе «Доктор Живаго». Поэтому, как кажется, здесь мы сталкиваемся не столько с дихотомией, сколько с проблемой, а может быть даже и с альтернативой, требующей, как бы то ни было, хотя бы примерного истолкования того, что следовало бы понимать под «простым» и «сложным»: являются ли эти термины указанием на некое «объективное» состояние дел в природе и во взаимоотношениях между человеком и природой (или Богом) либо же они обозначают позицию, удерживаемую наблюдателем в связи с наблюдаемым, обозначают два способа отношения к познанию и бытию?

Высказанное в стихах Б. Пастернака отношение к тому, что может быть названо «простотой», как я полагаю, пронизывает всю европейскую культуру от Платона до наших дней. Выражается оно в том, что человек ищет «суть», хочет

увериться в чем-то простом, найти «благо» по Платону, и когда он дойдет до «блага», весь мир Афин предстанет как на ладони, и уже можно отправляться к сиракузскому тирану, дабы объяснить ему, как следует переустраивать государство. Можно также искренне уверовать в Бога, и через такую веру осознать всю «моральную» простоту нашего мира. Что касается науки, то долгое время речь шла о том, чтобы построить некую единую теорию. К примеру, лорд Кельвин уже заявлял, что физика закончилась. Все сделано. Нужно лишь, грубо говоря, найти некую «изначальную формулу», коей обладает демон Лапласа и с помощью которой уже можно, как хотел того Мебиус – персонаж из пьесы Ф. Дюрренматта «Физики» – все описать и, мало того, всем управлять и над всем властвовать.

Сказанное можно выразить и иначе, используя столь дорогой для философской стратегии Делёза термин, как «смысл». В мире уже предсуществуют, наличествуют некие изначальные смыслы, в мире уже есть некие достаточные основания, структуры, которые следует либо открыть, либо прикоснуться к ним. В любом случае они или уже вложены в природу (некий всеобщий закон, управляющий всем), или заложены в субъекте (в Я, позволяющем фундировать этот мир). Добраться до таких структур (последним основаниям, законам, моральным установкам, государственным институтам и т. п.), наверное, сверхсложно. Но движение к ним и есть *движение мысли*, обеспечивающее *осмысленность* не только человеческого существования, но и всего того, что мы видим, чувствуем, осязаем, то есть того, что существует независимо от нас в качестве *внешней природы*. Изрядно упрощая ситуацию и опуская детали, упомянутые «структуры» можно интерпретировать либо как «заоблачный мир» с его Благом и сопутствующей последнему иерархией ценностей (Платон), либо как Бога со всеми техниками приближения к нему (Фома Аквинский), либо как Абсолютный дух Гегеля, наконец, даже «бытие» Хайдеггера и «традиция» Гадамера отчасти могут быть истолкованы в этом ключе. Философия выработала массу весьма *непростых* (даже сверхсложных) техник припадания к этим «структурам». Тем не менее данной стратегии может быть приписан термин «простота», в родстве с которой следует увериться, ибо, согласно ей, в основании мира и его познания лежит нечто элементарное, обеспечивающее коммуникацию как между людьми, так и между человеком и природой. Именно такое истолкование я предлагаю обозначить в качестве простого восприятия мира, поскольку в данной версии предполагается, что и мир, и смыслы этого мира, и сами познавательные стратегии уже существуют, пусть даже где-то в трансцендентной метафизической области. Им нужно только научиться, а потом научить кого-то еще. И тогда все будет в порядке. На этой идее, кстати, строятся многие государственные и политические институты.

Однако параллельно рассмотренной стратегии имеет место и другая, берущая свое начало, согласно Делёзу, у софистов и стоиков, а затем продолжающаяся вплоть до Ницше и Бергсона. Она основана на представлении, что смыслы, или смыслодержателе структуры, не наличествуют изначально, а порождаются имманентной жизнедеятельностью человека, помещенного в конкретные и преходящие рамки исторических и социальных обстоятельств. Ницше, обсуждая «пещеру Платона», говорит, что за каждой пещерой кроется другая пещера. Так возникает сюжет, связанный не столько с изначальными

идеями или истинами, сколько с «лабиринтом», с неким блужданием. Ницше рассматривал темы, отсылающие к гуманитарным сюжетам, но и в естествознании появляются области, например, квантовая механика, где то, с чем мы имеем дело, становится проблематичными, как это происходит с дихотомией, или бинарной оппозицией, «субъект–объект» – субъект оказывается имманентным приборной ситуации (согласно копенгагенской интерпретации квантовой механики, есть и альтернативная стратегия, связанная с поиском скрытых параметров, нашедшая отражение, в частности, в работах Д. Бома).

В свете сказанного представление о том, что я обозначил как «простое» (будь то устройство мира или же восприятие последнего) держится на нисходящей триаде «вещь→свойства→отношения», тогда как «сложное» – на триаде «отношения→свойства→вещь». Что касается естествознания, первая стратегия преобладает в дисциплинарно конституированном познании, тогда как вторая – в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях, а также в упомянутой квантовой механике и ее экспликациях. Помимо этого, вторая стратегия проявляет себя в некоторых трактовках современной теории самоорганизации (в таких направлениях, как синергетика, теория диссипативных структур, теория хаоса и др.), где речь идет не столько об открытии неких «универсалий», сколько о поиске своего рода «региональных закономерностей», или «параметров порядка» (смыслов), возникающих в результате самоорганизации хаотически движущихся инстанций (частиц, животных, людей и т. п.), принадлежащих локальным регионам бытия. Тогда «родство со всем» с присущей ему «простотой» отчасти отходит на второй план, а на первый выходит именно осмысление «сложного», не столь уж, подчеркнем, понятного. Непонятность «сложного» предполагает – в своей парадоксальности – целый пучок проблем как философского, так и естественно-научного характера, проблем, фактически, касающихся пересмотра традиционных дихотомий, типа «внешнее–внутреннее», «объективное–субъективное», «наблюдатель–наблюдаемое», «живое–неживое» и т. д. Более того, на первый план выходит то, что обозначается термином «становление» и занимает, если можно так выразиться, место короткого тире между приведенными диадами.

Именно вторая из разобранных стратегий отношения к миру и человеку формирует то, что было названо «парадигмой сложности», или «сложностным мышлением». Из многообразия современных философских изысканий к парадигме сложности можно отнести, например, постструктурализм, а из числа естественно-научных теорий – упомянутую теорию самоорганизации, где акцент делается на изучении не статичных, уже сформировавшихся образований, а процессов эволюции и становления, что, по-видимому, требует выработки особого языка для концептуализации ситуаций становления смыслов, который еще только формируется. В рамках «парадигмы сложности» немалую роль начинает играть тема хаоса, в том числе вопрос о том, как из хаоса возникает порядок (И. Пригожин, И. Стенгерс), а исследовательская ситуация характеризуется тем, что субъект исследования или субъект наблюдения настолько вписан в нее, имманентен ей или динамизируется ею, что порой трудно их разделить. Ставятся под сомнение положения, согласно которым субъект и мир, смыслы и осмысляющий существуют отдельно и независимо друг от друга. Основной момент такого сложного, или сложностного, понимания мира, как мне пред-

ставляется, состоит именно в принятии позиции, согласно которой смыслы изначально не существуют, достаточные основания изначально отсутствуют. Они самоорганизуются.

Для некоторых сказанное будет секретом Полишинеля, поскольку я повторяю стратегию Делёза, когда тот описывает свое видение истории философии и различает доминирующую философскую традицию (от Платона до Гегеля) и маргинальную (от софистов до Ницше). Действительно, то, что я рассказал, инициировано прочтением Делёза. Но Делёз интересен для меня в данном случае именно тем, что развивая концепцию смысло-порождения и смысло-становления, придумывая, изобретая или заимствуя (как он сам говорит) из других сфер концептуальный аппарат, позволяющий работать со становящимися, самоорганизующимися, возникающими из «хаосмоса» (термин Делёза и Гваттари) объектами, не предполагающими изначально смылосодержащих структур, он предлагает подход, близкий к проблемам «парадигмы сложности». И между прочим, он неоднократно ссылается на теорию катастроф Р. Тома, на неравновесные системы И. Пригожина, на фрактальные геометрии Б. Мандельброта, обнаруживая тем самым, пусть даже отдаленное, родство своих идей с теми идеями и представлениями, которые характеризуют современное естествознание. Так, термин «ризома», призванный обозначить ту виртуальную хаотизированную реальность, в которой самоорганизуются или создаются смыслы и которая включает в себя как одну из своих линий или своих узлов самого познающего, может быть поставлен в один ряд с понятиями «структура», «система», «сеть». И такая цепочка понятий указывает на постепенное выведение становления на концептуальный уровень, весьма отличающийся от концептуализации становления, предложенной Гегелем.

Завершить свое выступление я хотел бы цитатой из книги Эдгара Морена «Метод», в которой он характеризует парадигму сложности: «Речь идет об особой парадигме, каковая выкапывает и реанимирует невинные вопросы, которые мы были вымуштрованы забывать и презирать... [Она предполагает] прогресс познания, который приносит нам неведомое и таинственное. Тайна не открывается только избранным; она освобождает нас от всякой бредовой рационализации, которая претендует на то, чтобы свести реальное к идее, и она несет нам, в поэтической форме, весть о непостижимом и невероятном»¹.

В.Ю. Кузнецов: Когда мы пытаемся оценить масштаб фигуры того или иного мыслителя, то можем руководствоваться в качестве критерия тем, насколько этому мыслителю удастся в своей теории с помощью различных концептов сопрячь различные аспекты философской проблематики. И, конечно, те фигуры, которые мы считаем самыми крупными и заметными, представляют собой большую величину именно в силу того, что им удалось охватить чуть ли не всю философскую проблематику во всем разнообразии ее проявлений – проблем, сюжетов, вопросов, подходов и т. д. Делёз представляется фигурой именно такого рода, причем даже не только потому, что ему удалось сопрячь совершенно различные сюжеты и проблемы, обнаруживаемые нами в философской традиции, но еще и потому, что ему удалось соединить также и многообразные темы и вопросы, обнаруживаемые как в отдельных научных дисциплинах, так и в других сферах, областях и доминионах культуры. Мало кого

¹ Морен Э. Метод. Природа природы. М., 2005. С. 438–439.

в современной мысли можно сопоставить с Делёзом по размаху того многообразия, которое ему удалось уловить и увязать, – разве что Грегори Бейтсона, Станислава Лема и, пожалуй, Василия Васильевича Налимова. Показательно, что всех их объединяет постоянное внимание к случайности, спонтанности, смыслам и эволюции текстов мира. А еще масштаб их личности оказывается слишком велик для обычного восприятия, из-за чего улавливается, как правило, только один какой-нибудь аспект их разнонаправленного творчества. Этот своеобразный эффект, эти устойчиво воспроизводящиеся аберрации высвечивают всю нетривиальную сложность разворачивания междисциплинарных исследований, которые как раз и претендуют на преодоление дискретности естественно исторически сформировавшихся дисциплин с помощью свободы непрерывного творчества.

В обозначенном смысле та концепция, которую предлагает Делёз, тот комплекс достаточно разнородных концептов, про который уже сказал Яков Иосифович, как раз и представляет собой принципиально сложную систему. Причем такую, которая не просто существует в себе и для себя, но и оказывается центром кристаллизации различных смыслов (и не только философских), а также точкой встречи и взаимодействия смыслов, узлом сети, в которой эти смыслы переосмысляются, тем или иным образом самоорганизуются, оказывая в свою очередь прямое или опосредованное влияние на все области культуры. Ведь философия предположительно существует и должна существовать не только в себе и для себя, но и как катализатор самоорганизации смыслов всего человеческого мира. И если не рассматривать практику исключительно как теоретический концепт, и отрефлексировать, насколько это возможно, само практическое разворачивание концептуализации, отслеживая проявление и действие возникающих тут перформативных эффектов, можно заметить и зафиксировать симптомы той связности, которая обеспечивает соответствующую возможность. У философии нет других средств, кроме высокопорядковых рефлексивных концептов, задаваемых не дефинициями, а каскадами разверток и сериями сборок, выписыванием проектов, ценностей и целей, принципов и предпосылок, технологий и приемов, инструментов и операций через последовательности дискурсивных шагов и процедур, которые выполняются в определенном социокультурном контексте, включающем условия возможности собственного производства.

Тогда представляется чрезвычайно важным обратить внимание на тот аспект сложности, с помощью которого сама эта сложность только и может выражаться и концептуализироваться. То есть, если мы хотим как-то сопрячь, как-то связать и как-то осмыслить сложность различных и совершенно разнородных смыслов, нам неизбежно придется воспользоваться не менее сложными средствами, которые надо будет не менее сложным образом увязывать друг с другом, позволяя им в том числе и самоорганизовываться. В плане реализации такой познавательной стратегии книга Делёза и Гваттари «Тысяча плато» выступает показательным примером. Она – по крайней мере, в своем замысле – должна предстать перед нами как некий нелинейный текст, распадающийся на несколько слоев, где различные смысловые нити переплетаются в некотором полифоническом взаимодействии, где монистичной и централизованной модели стержневого (древесного) корня противопоставляется даже не система

фрагментов, подобная мочковатому корешку (и сводящаяся в конечном счете к дуализму), а ризома, любая точка которой может быть присоединена к любой другой. Ризома – принцип, воплощенный в самом устройстве сборки этой книги, сочленяющей множество плато разнообразных предметностей, по которым однотипным (хотя и не одинаковым или монотонным) образом разбегаются многочисленные потоки различных процессов (от семиотики до музыки, от зоопсихологии до лингвистики, от литературы до истории, от математики до экономики и т. д., и т. п.). Однако мы видим, что, несмотря на такой достаточно сложный и интересный замысел, эта книга предстает перед нами все равно как обычная книга, то есть как линейно упорядоченный текст, выстраивающий вполне определенную последовательность тем и сюжетов.

Поэтому, если мы хотим дальше продвинуться в направлении сложно-но адекватного выражения и концептуализации сложности соразмерными средствами, ближайшим возможным шагом на этом пути видится проект создания, скорее, ризоматического текста, представляющего собой своего рода разновидность гипертекста, в который были бы уже встроены ссылки на другие фрагменты этого же текста и указания на многочисленные и разнообразные нелинейные связности различных компонентов между собой. Попытку построения такого рода ризоматического текста в линейном приближении или линейной проекции я представляю под названием «Реконфигуратор» в сборнике «Максимы»².

Тем не менее проект реализации следующего возможного шага в том же направлении представляется гораздо более проблематичным, поскольку воплощение динамической системы концептов для отображения и выражения динамической сложности мира в статике линейного приближения или линейной проекции печатного текста – очевидно невыполнимая задача. Ведь нелинейные динамические процессы становления сверхсложных постклассических систем (включающие процессы самоописывания) принципиально не могут быть ухвачены линейными и логоцентрическими средствами классики. Поэтому для реализации подобного проекта понадобятся, по-видимому, компьютерные технологии, позволяющие создать гибкую и подвижную среду для построения вариабельных динамических моделей, воплощающих многомерные смысловые пространства в их движении, развитии и самоорганизации. И тогда, возможно, формат книг, предзаданный нам технологией печатного станка, будет замещен новым форматом произведений, демонстрирующих смысловую сеть, которая может быть визуализирована, например, в виде объемной карты или лабиринта.

Я.И. Свирский: Я позволю себе небольшую ремарку. Василий Юрьевич говорит о том, что книга «Тысяча плато» должна предстать как нелинейный текст с различными переплетающимися смысловыми нитями, пребывающими в полифоническом взаимодействии. Но затем он заявляет, что она, тем не менее, – обычная книга и линейно упорядоченный текст. И это несмотря на то, что в самом начале своего труда Делёз и Гваттари недвусмысленно предлагают читать ее главы в любом порядке и лишь советуют заключительную главу читать последней. Кстати, писалась эта книга, как вспоминает Делёз, таким

² См.: Кузнецов В.Ю. «Реконфигуратор» 2.0: развертка программы // Гиренок Ф.И., Кузнецов В.Ю., Ермолаев М.С. Максимы. М., 2014. С. 79–180.

же образом, каким ее рекомендуют читать, а отнюдь не как линейно выстраиваемый текст. Я бы сказал, что перед нами не текст с определенной последовательностью тем и сюжетов, а своего рода текст-калейдоскоп, задающий многофасеточное видение. И все же сказанное Василием Юрьевичем ставит, на мой взгляд, определенную проблему, а именно: можно ли построить гипертекст, не прибегая к возможностям, предоставляемым современной вычислительной аппаратурой и Интернетом?

В.Г. Буданов: С Жилем Делёзом нас познакомил проводимый в Институте философии РАН в середине 1990-х гг. семинар, в котором участвовали П.Д. Тищенко, Л.П. Киященко, В.И. Аршинов, А.С. Толстов, С.С. Неретина и другие. Яков Иосифович только перевел «Логику смысла», творческое было время, и сейчас вспоминаются эти горячие дискуссии молодости. Меня эта тематика очень увлекла, инициировала какие-то собственные изыскания, и я, кажется, что-то понял. Даже написал статьи в том же, Делёзовском стиле, о которых студенты МГУ думали, что это постмодерн, а филологи до сих пор на них ссылаются. Но поскольку я, как говорится, вышел из другой «шинели» (физика), желание понять, что же это было, у меня не проходит. Этот стиль письма я и сейчас воспринимаю как приятное воспоминание, своего рода интеллектуальный джаз...

Если принять во внимание постнеклассическую триаду В.С. Степина, то вот как я представил бы стратегию Делёза. Итак, есть исследовательская деятельностьная триада «субъект–средство–объект». Здесь объект – это всего лишь предлог для разговора, затравочная вещь. А дальше, оказывается, есть возможность создать некую свободу, вариативность как средств, так и позиций субъектов (дискурсов). Причем эти смены гештальтов крайне спонтанны, эмерджентны. У творца возникает захватывающая картина, действительно поэтическая, поскольку у вас ассоциативные поля начинают мощно работать, все это изумительно красиво, и вы постоянно находитесь в состоянии креативного драйва. Но так происходит только тогда, когда читатель принимает правила игры, становится со-творцом. С позиции классического понимающего наблюдателя это похоже на ловлю моли – занятие тоже азартное, но довольно раздражающее. Когда вы ловите моль, вы никогда ее не поймаете, если будете за ней бегать. Почему? Потому что она все время непредсказуемо меняет направление. В нашей терминологии: моль – это дискурсы. Так вот, вы не успеваете поменять дискурс и понять, куда же он «шмыгнул»? Как же ловить моль-дискурс? Ее ловят, только фиксируя дискурс – фиксируя расставленные ладони. Вы ставите этот пространственно-временной локус или онтологический капкан и ждете, когда моль-дискурс туда прилетит. И там она уже точно будет схвачена (понята). И когда вы «схватите» ее, то поймете, что на самом деле в этом дискурсе она не очень-то и разбирается, и, в общем, все это для нее мимолетно и не так важно. Но... возникает ли у вас некоторое отвращение после того, как вы размазали тельце этого существа у себя по ладоням? Я подозреваю, почти уверен, примерно таково отношение большинства дисциплинариев, работающих в своих узко фиксированных дискурсах, к этой концепции хаотичных смен дискурсов. Это уже социология и психология науки. Я просто понимаю, почему многие так к этому относятся. А где же результат? Однако, совсем не об этом речь, не это самое важное здесь.

Делёз не «глубок», но «поверхностен», чем и гордится, чем и сложен. Ему важен не дискурс, но переход-метаморфоза. В данном случае я говорю о мысли пишущего постмодерниста, о ее движении. Ценности Делёза и дисциплинария совершенно различны. Тем не менее Делёзовская игра в бисер действительно очень важна. Почему? Я как физик могу сказать, как устроено мышление модельера-физика. Ему нужны положения, аксиомы, законы, на которые опирается теория, затем нужно из этой теории вывести некую, пусть даже феноменологическую картину, которая вам что-то будет обещать, что-то будет предсказывать. Но ведь на самом-то деле наука так никогда не возникала, это образ уже сложившейся науки. Когда вы начинаете изучать какой-нибудь сложный, неразложимый, нередуцируемый объект, например, душу, культуру, организм, у вас еще нет законов, нет развитой теории. Допустим, вы пытаетесь сами себя вылечить, не будучи доктором. Здесь еще никакой теории нет. Тогда человек начинает опробовать различные вариации, перебирать средства-позиции. Феноменология Делёза, его концепты границы и ризомы, как мне кажется, – больше, чем жизненная стратегия, это подлинная онтология жизни, жизни обыденного сознания, жизни вхождения в сложную реальность. Представим себе малыша, который забрел на карнавал взрослых... Я думаю, что для него это полная шизофрения. Он этих дискурсов никогда не встречал, не понимает, что это за абсурд. И он будет достраивать миражи, переписывая свои сказки. Такова ризома, она в каком-то отношении и есть образ прочтения книги с середины, достраивания прошлого и будущего одновременно во множестве виртуальных сценариев из момента «здесь и теперь», когда читаешь как бы сразу несколько книг. Безусловно, каждый раз ухватывать подобное состояние сложно, но сам факт признания вот этой ризоматической позиции в мире мне представляется очень продуктивным и творческим, тем более что жизнь не обещает нам других позиций. Подозреваю, криптографы именно так должны расшифровывать тексты на неведомых языках.

Ну, а теперь ложка дегтя, точнее две. Делёз – это далеко не вся теория сложности. Во-первых, появились квантовые феномены. Делёз с ними не работал. Во-вторых, очень многие сюжеты современной синергетики загнаны здесь в слово «самоорганизация». А что под этим понимается? Надо бы уточнять иногда этот термин, иначе он предстанет как спасательный круг в любой ситуации. Приведу пример: говорят, что самоорганизация – это всегда что-то чисто спонтанное. Например, знаменитая картинка «два лица или ваза». При разглядывании гештальт периодически сменяется скачком. У европейца – это «два лица-ваза», а у бербера, живущего в пустыне, – только два лица, вазу он никогда не видел, никакой самоорганизации с вазой быть не может. И когда вы говорите, вещь у нас потом возникает, а сначала – свойства. Так вот, эти свойства культурно обусловлены, и мы забываем, что до любого научного эксперимента была теория. То же самое здесь. До любого распознавания реальности у вас был культурный контекст. Поэтому мне кажется, что Делёз, конечно, гений – но в чем? В стратегиях вхождения в Хаос и движения в нем. Однако для описания порождения порядка из хаоса (а я называю это самоорганизацией становления) и понимания генезиса материала для дальнейшей деконструкции требуется привлекать и другую сторону синергетики. В частности, как бытуют в культуре наши аттрактивные бессознательные феномены-культурмены, как

они работают при распознавании, допустим, образов (этим много занимался Г. Хакен). То есть Делёз действительно сделал многое в плохо формализуемых мирах языка и культуры, обогатив теорию сложности и познания, но жизнь сегодня приносит и новые вызовы, и новые методы. Безусловно, следует отдать ему должное за один только стиль философствования, который для многих стал философией жизни. Этот стиль философствования действительно как-то меняет оптику восприятия мира, и тот, кто в ней удерживается, наверное, более счастлив, чем люди, которые мучительно не могут найти истину.

В заключение прокомментирую цитаты из Пастернака и Делёза, озвученные Яковом Свирским. Задолго до Делёза у нас была своя поговорка: «Простота хуже воровства». Ну чем не предтеча постмодерна? Шучу. И если эту фигуру речи превратить в философскую метафору, то, что такое воровство? Это значит, что ты уже что-то присвоил себе. И в данном случае, когда человек что-то заимствует осознано, когда он понимает, на что это похоже (допустим, сработал метод аналогии), то, следовательно, здесь все понятно. А вот что такое истинная, подлинная простота... Я думаю, что это вещь совершенно непонятная. Может быть, более сложная, чем «сложность», настолько же сложная как пустота в буддизме, которая есть одновременно и максимальная полнота. Таким образом, я, скажем так, в большей степени солидарен с Пастернаком. Потому что очищенных первичных понятий в математике очень мало, и они, скорее, переживаются, чем осознаются. Но это мое личное мнение, не исчерпывающее эту богатую по содержанию тему.

Я.И. Свирский: Отвечая на замечания Владимира Григорьевича, соглашусь: нельзя говорить, что в философской стратегии Делёза заключена вся парадигма сложности. Не секрет, что Кант весьма сложный автор, но и его философские изыскания можно отнести к стратегии поиска «простоты». По-видимому, следовало бы принять во внимание и то, что сделал Делёз, и то, что было наработано в постнеклассической науке, модернистском искусстве, сюрреализме, кинематографе, политике, и понять, каким образом все перечисленные области переплетаются. Именно на это и указывает термин «ризом». Сегодня не следовало бы разводить «две культуры», как это делал в свое время Чарльз Сноу. Вспомним фразу Делёза и Гваттари: «Философии нужна понимающая ее нефилософия, ей нужно нефилософское понимание, подобно тому, как искусству нужно не-искусство, а науке – не-наука»³. И такой подход можно назвать новым типом философствования. Это не обоснование науки, которым занималась классическая философия науки (от Декарта до постпозитивизма), обсуждающая то, как ученый познает, хотя может быть познает он совсем иначе, чем обычный человек. Это не картография познающего разума как у Канта, хотя у Канта есть свой сюжет в «Критике способности суждения», весьма и весьма близкий к тому, что я пытаюсь представить как парадигму сложности. То, что сказал Владимир Григорьевич, – конструктивно. Но есть и другая сторона: такие фразы – «это не все», «это не совсем так» – это отпугивающие фразы.

В.М. Розин: Недавно я погрузился в творчество Делёза и обнаружил в нем родственную душу. Есть такое выражение – «зачинатель дискурсивности». Делёз – это зачинатель дискурсивности, т. е. зачинатель нового способа мышления и – наряду с Фуко, Деррида и другими – особого поворота в философии.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 279.

Для нашей темы важно различие двух способов работы Делёза. С одной стороны, методологическая работа (прежде всего речь идет о книге «Различие и повторение»). Сюда же относятся и эссе о ризоме. С другой стороны, эмпирические философские исследования и осмысления (например, трактат о номадологии, машинах войны, аппаратах захвата, режимах знаков). Когда мы говорим об эмпирических исследованиях, то предполагаем, что существует реальный объект, который мы начинаем описывать, осмысливать и т. д. Например, Б. Латур в книге «Пересборка социальности» утверждает, что социальные связи реально существуют, и мы их можем научно моделировать. У Делёза, как мне кажется, такой иллюзии нет. Есть мыслительная работа, направленная на построение идеальных объектов, например, феномена войны, в контексте решения методологических и теоретических проблем, важных для самого Делёза. Характеристики этих объектов задаются введенными этим философом понятиями; примером могут служить представления о «гладком» и «рифленом» пространствах или понятие «машина войны». Характеристики таких объектов взяты не из эмпирии, а наоборот, если говорить по Максиму Веберу, являются схемами, позволяющими структурировать эмпирический материал. И еще один момент: эти исследования являются междисциплинарными и полидисциплинарными. Поэтому, в частности, возникает ощущение плотного и сложного пространства. В плане такой мыслительной практики реальность выглядит сложно устроенной.

Так каков же способ исследования? Если вспомнить Фуко, то это – построение диспозитива. То есть речь идет о построении идеальных объектов, претендующих на представление изучаемого феномена, – построение принципиально гетерогенное, ориентированное на практическое употребление, схватывающее разные дискурсы. В этом смысле можно сказать, что Делёз конструирует диспозитив машины войны, диспозитив режимов знаков и т. д.

Тогда возникает следующий вопрос: о какой реальности идет речь в таких псевдоэмпирических исследованиях, какова логика, позволяющая помыслить данную реальность? Здесь я перехожу к методологическим работам Делёза. Я сказал, что он «зачинатель дискурсивности» и задал некий поворот в мышлении. Так, работа «Различие и повторение» представляет собой попытку задать новый способ мышления. Классический способ основан на тождестве. Вспомним Платона, который писал, что, не допуская самотождественности идеи, мы запутаемся и не сможем рассуждать без противоречий. Во многом классическая линия философского мышления строится на идее тождества. Делёз предлагает нечто иное: различие и повторение. Тогда он ставит в центр своих размышлений процедуру различения, а не тождества. Такая процедура становится центральной. И в этом смысле мы имеем дело с заданием нового хода мышления. Делёз не просто задает новую реальность, он пытается построить новую онтологию. На мой взгляд, тексты вроде «Тысяча плато», «Ризома» и т. п. – это и есть работа по созданию новой онтологии. Наконец, для поворота мышления необходимо продемонстрировать и новые образцы мыслительной работы. Что мы и находим у Делёза.

Решая вторую задачу, следует обсудить, как собрать новую реальность (онтологию), конституировать ее в условиях многопредметного существования. Например, Платон в диалоге «Пир» дает несколько разных определений любви. Любовь – это и гармония, разлитая в мире, и поиск своей половины, и

вынашивание духовных плодов, и гений, как посредник между богами и людьми. Феномен любви, как он задается Платоном, существует в множественности предметных воплощений, заданных определениями. Возникает проблема: у нас есть явление, сконструированное из нескольких предметов, каким же образом существует целое? Платон начинает все это обсуждать, в диалоге «Парменид», где утверждает, что «единое есть многое».

Исторически были намечены три основных решения этой проблемы. Первое: сборка, состоящая из многих предметов, задается с помощью редукции в рамках некоторой онтологии. Платон в диалоге «Парменид», говорит о том, что мысль заключается в сущем, и далее вводит образ шара. Так задается некая онтология и предполагается, что согласно ей мы и должны мыслить. У Аристотеля сборка или синтеза предметов задаются в рамках онтологии родовидовых отношений.

Совершенно другое решение у Платона, не предполагающее онтологическую сборку. Здесь синтез предметов должен осуществляться исследователем за счет его мышления. Есть весьма любопытное 7-е письмо Платона, в котором он описывает, как нужно работать. Он говорит, что есть четыре ступени: имя, определение, изображение, знание. И далее: все ступени следует считать чем-то единым, ибо они существуют не в звуках, не в телесных формах, но в душах. То есть имеется имя, определение, изображение, знание, которые мы соотносим друг с другом, но не для того, чтобы связать их в некую онтологию, а чтобы в душе возникло целое (это не онтология). В данном письме мы видим совершенно иную стратегию, идущую вплоть до Делёза. Тут иной тип сборки, когда задаются разные предметы, которые соотносятся и корректируются в рамках мыслительных процедур типа, например, различия и повторения.

Третье решение напоминает сидение на двух стульях, но плодотворное сидение: с одной стороны, есть онтологическая установка для сборки, а с другой – она не может быть реализована, но может функционировать как мыслительная сборка. Нужно суметь каким-то образом соединить обе методологические стратегии. Так задается разум у Канта: с одной стороны, разум – это целое, а с другой – разум задается во многих «топах», которые не собираются в некое онтологическое целое (разум есть разум, рассудок есть рассудок, вещь в себе есть вещь в себе, явление есть явление и т. д.). Эти предметы не собираются в некоторое единое целое, как в родовидовой картине Аристотеля. И для сборки существуют специализированные языки. Например, системно-структурный язык. Вспомним, разум характеризуется Кантом как систематическое единство. Кроме того, разум как целое задается Кантом в фигуре Творца, правда, осторожно – в качестве регулятивного принципа. Это другой язык.

То же мы находим и в работах Г.П. Щедровицкого. С одной стороны, теория деятельности, трактуемая в значительной степени как онтологическая реальность, с другой – системно-структурный язык, который задается, в частности, четырехслойкой: функции, процессы, структура и материал. Но если вы спросите, как эти слои соотносятся между собой, то ответа не получите. Они не собираются в какую-то структуру, хотя говорится, что это системно-структурный язык.

Сам я склоняюсь ко второму решению. В своих работах я развиваю идею соотносительного топического анализа. Что это такое? Посмотрите мои работы, связанные с анализом науки, любви, права и, особенно, техники. Я задаю

отдельные предметы, например технику: техника – это особое отношение между природой и человеческой деятельностью; техника – это феномен опосредования, т. е. реализация замысла за счет создания конструкции; техника – механизм культуры; техника – социальное тело человека и общества и пр. Другими словами, я фиксирую многопредметность существования техники. Заранее я не знаю, сколько этих предметов и какие они. Я их нащупываю в исследовании. Параллельно осуществляю коррекцию – соотношу эти предметы между собой, уточняю, чтобы не было противоречий, выявляю связи между ними. И при этом удерживаю в уме задачу: помыслить целое – технику как единый феномен. Это я называю соотносительным анализом.

Отдельные предметы или стороны целого я называю топами. Каждый топ предполагает относительную автономию. Топы не должны сводиться к единой онтологии. Разворачивая каждый топ, мы имеем дело со своей событийностью, внутренней логикой. Но топы должны друг с другом соотноситься. Каким образом? За счет моего мышления. Я, решая свои задачи, должен отнестись к существующим дискурсам, должен проблематизировать ситуацию, схватить феномен и пр. Таким образом, топический анализ – это методология, а не онтология. Более того, вводится запрет на онтологизацию. Идея симбиоза позволяет понять, что я имею в виду. Например, лежит крокодил с открытой пастью, туда залетает птичка, склевывает мясо и улетает. Крокодил – один топ, птичка – другой. Чем задается их единство, целостность? Мыслящим человеком. При этом нужно так описывать каждый топ, чтобы эта целостность появлялась: одна из ниш питания птички – пасть крокодила, а крокодил не закрывает пасть, когда птичка к нему залетает.

В этом смысле я полагаю, что правильное прочтение сложности (как и развивающихся систем Степина, диспозитива Фуко, социальности и культуры Розина, ризомы Делёза) предполагает запрет на онтологизацию в традиционном понимании. Вместе с тем все названные авторы предлагают разъяснения для неспециалистов, например, образа «корневища». Кажется, что задается единый объект. Но мы же не знаем, как связаны в корневище корни. Это и есть запрет на онтологическую сборку, хотя мыслится ризома как целое, онтологически. Разъяснение для неспециалистов идет от Аристотеля. Он, в частности, в «Метафизике» поясняет, что такое форма: с одной стороны, форма связана с определением, форма задает сущность и пр., с другой – форма вещи – это отпечаток на воске. То есть форма получает две характеристики: одна – серьезная, для понимающих, другая – упрощенная, для неспециалистов. Так же обстоит дело с идеей ризомы: с одной стороны, ризома – это запрет на онтологизацию, с другой – ботаническое пояснение для неспециалистов. Остается вопрос: как ухватить в мысли эти разные характеристики. Думаю, ситуация здесь аналогична тому, что говорит В.И. Аршинов про сложность. Это – некий образ для неспециалистов.

Я.И. Свирский: Как мне кажется, сейчас Вадим Маркович задал один из возможных подходов к сложностному мышлению. Ибо, при сопоставлении Платона, Аристотеля, Щедровицкого как раз прорисовывается тот контур, который позволяет построить концепт этого «сложностного видения мира». И я бы не рискнул сказать, что у них совсем нет онтологии. Скорее, там онтология несколько иного типа. Для нее можно придумывать названия, типа «коммуникативная онтология». Одним из векторов размышлений Делёза являются не

статичные объекты. Когда Вадим Маркович говорит о топах, поневоле возникают ассоциации с топосами, локализациями, местами. А у Делёза есть термины «территоризация», «детерриторизация» и т. д. У него есть зоны размывания, зоны различения, зоны близости. Это прописывается в «Режимах знаков». И здесь мне видится определенная дистанция по отношению к системному подходу. Упор все время делается на динамику и на снятие всяких дихотомий. Допустим, снятие дихотомии «методология–онтология» – так возникает уже новая онтология и особый тип методологии. Это тот вывод, какой я сделал из выступления Вадима Марковича. И Делёз в своих историко-философских штудиях обсуждает именно то, о чем Вадим Маркович так емко сейчас рассказал. В книжке «Критическая философия Канта: учение о способностях» речь идет о том, как эти способности – топы в предложенной Вадимом Марковичем терминологии – друг с другом сложно сопрягаются. Речь идет о том, что в одной области работает рассудок, главенствует разум, а в другой работает совсем другая способность – способность суждения. Эти способности хотя и переплетаются, но, согласно Делёзу, не координируются. Здесь вспоминается фраза Л. Шестова, когда тот говорит, что Кант построил хорошую крепость для разума, но забыл положить цемент между кирпичами. И если толкнуть эту крепость, то она повалится. В то же время у Аристотеля есть термин «симбебекос», или «привходящее». Когда нужно построить дом, то следует сделать люфт между бревнами, не залитыми цементом. Речь идет о вселенной как о доме. Не учитывая такие люфты, мы построим дом, который разрушится так же, как разрушится крепость без цемента. По-видимому, так может метафорически трактоваться «сидение на двух стульях», к которому применимо не столько «тождество», сколько «различие и повторение». А, возможно, это подход к новой онтологии, онтологии сложностного мира и то, что мы сейчас, ориентируясь и на цемент, и на подвижность между бревнами мира, пытаемся концептуализировать как сложностное мышление. Здесь, по-моему, методология и онтология сцепляются. Одновременно, тут имеет место проблема наблюдения за той инстанцией, которая обеспечивает подвижность, в современной терминологии – инновационная инстанция. Каков ее онтологический статус еще только предстоит определить.

В.Г. Буданов: Хочу напомнить то, что известно в науке по поводу этих гибких онтологических конструктов или возможности работы вне онтологической проблематики. Прежде всего, это математика, точнее, теория инвариантов относительно некоторых типов движений. Это возможность изменять конструкцию (допустим пагоду), которая не разваливается, хотя и деформируется. У пагоды все подпорки сделаны так, что возможность большого люфта заложена изначально, а изогнутые балки кровли провисают по цепным линиям и свободно движутся по опорам. При девятибалльном землетрясении пагода танцует, но стоит. Таково воплощение идеи определенной свободы конструкции, которая гарантирует сохранение качества. Инвариантами при произвольных деформациях занимается топология, она их классифицирует; тип геометрии задается инвариантами определенных движений пространства (программа Ф. Клейна) и т. д.

Итак, есть типы движений-деформаций, а есть их инварианты. Так вот, мне кажется, теперь совместно вспомнить математическое понятие дуальности. Фактически это то, что известно большинству здесь присутствующих. Есть

теоретико-множественный подход, а есть категориальный. Есть структуры (элементы, связи) как теоретико-множественный базис, а есть дуальные им стрелочки-отображения или отображения-деформации как категориальный базис математики. Можно работать с одной или с другой онтологией. Но что происходит у Делёза? Он как бы меняет дуальные пространства местами – достаточно часто и произвольно. И такая форма деятельности в математике неизвестна. Зато методология творчества, скажем, распознавание текста, расшифровка, криптографические занятия, с ней более чем знакома: здесь идет многократный процесс генерации и проверки гипотез. Ты время от времени «шевелишь» и онтологию, и метод, и сами посылки. Поэтому подход Делёза мне кажется намного более объемным, нежели даже в современных математических конструктах, а смена дуальных друг другу средств и объектов, представление их то статично, то, напротив, динамически открывает новые типы математических образов сложной реальности.

В.И. Аршинов: Для меня сложность – это темпоральный эпистемический процесс, который не может быть редуцирован ни к субъектному, ни к объектному полюсу. Поэтому я предпочитаю говорить о процессе мышления в сложности. О мышлении внутри сложности. Здесь уместно вспомнить о Н. Боре, который, характеризуя эпистемологическую ситуацию, возникшую в связи с трудностями понимания квантовой механики, говорил, что все мы подвешены в языке, причем таким образом, что не знаем, где верх, а где низ. Аналогичным образом можно сказать и о сложности: мы находимся внутри сложности, не зная где верх, а где низ. И здесь, как и в контексте проблем квантово-механического познания, важную роль играет такой концептуальный персонаж как наблюдатель сложности. Как и в случае квантово-механического описания, мы имеем дело с контекстуальностью как принципом, согласно которому наблюдатель, наблюдаемое и приборный контекст образуют монадоподобную (гибридную) сущность. Или, быть может, некий событийный фрейм. Отсюда созвучие контекстуально организованной сложности с лейбницевской монадологией, тема, которая отчетливо звучит у Делёза.

Монадоподобная множественность порождает проблему контекстуальной связности как коммуникативно-перцептивной связанности наблюдателей первого и второго порядка. У Делёза наблюдатели пронизывают всю его онтологию, весь созданный им сложный мир.

Проблема связанности, сцепленности выводит нас на проблему рекурсии. В свою очередь, рекурсия, согласно Фон Ферстеру, – это коммуникация. И тогда на вопрос, что «держит вместе» миры наблюдателей, контекстов, фреймов и монад, можно было бы ответить: мир в его целостности удерживает многообразие рекурсивных процессов, генеративных циклов, в которых рождаются новые смыслы. И в этом контексте сложность – это рекурсивный процесс между целостностью и частичностью, основной предпосылкой которого является идея различия. Идея проведения различия как соединения различных сторон. Идея проведения различия как указание пересечь его. Здесь главная для меня фигура – Дж. Спенсер-Браун и его знаменитая работа «Законы форм».

Итак, наблюдатель сложности – это наблюдатель, создающий различия, находясь в ситуации, которая неравновесна, неопределенна, открыта для будущего и имеет в прошлом великое множество причинно-следственных

ретроспектив, которые, однако, не могут служить опорой для детерминированных прогнозов будущих событий. Феномен «черных лебедей», рассматриваемый Н. Талебом, – самый верный признак того, что мы встретились со сложностью. И пафос моего выступления состоит в том, что квантовая механика вместе с надлежаще осмысленным философским наследием Делёза, могут помочь нам погрузиться в то, что Э. Морен называет парадигмой сложности, противопоставляя ее декартовско-ньютонической парадигме упрощения, худо-бедно, но веками служившей компасом познания для европейской научной мысли.

В.Г. Буданов: Вопрос на понимание: мы говорим про гибкость, но возникают некоторые онтологии инвариантов контекстуальных пространств. Или у вас это все однородно и все можно связать со всем, или же есть несоизмеримые вещи. Если у меня нет музыкального слуха, то я не пойму вашу музыку. То есть существует проблема многосвязности контекстуального пространства. Всегда ли можно поговорить и перейти от одного сюжета к другому или есть несвязанные зоны? Разломы понимания – преодолеваются они или нет?

В.И. Аришинов: Вопрос задан в логике «либо-либо». Но нет ни полной переводимости, ни полной непереводимости. Есть частичная переводимость. Если у меня нет слуха, то я только смотрю. Есть тот, кто понимает квантовую космологию, а я ее не понимаю. Но я с ним общаюсь. Речь идет о частичных сферах, которые рефлексированы. Как это объяснить? В сети прямой перевод может быть или не быть, но есть связанность, хотя она неоднозначна. И это проблема.

В.М. Розин: У вас получается очень странный наблюдатель. Это – то же, что ризома. Есть образ, а есть понятийная вещь. Вы говорите про наблюдателя, который конструируется. Почему это наблюдатель? Это вовсе не наблюдатель. Далее, я не понимаю, зачем вводить понятие «сложность»? Если убрать это слово, что-нибудь изменится? Ничего не изменится. Что вообще такое «сложность»? Когда вы ее характеризуете, то не вкладываете в нее никакого объекта. Речь идет о мыслительных процедурах, о наблюдателе – причем тут сложность? Наконец, третье, что меня смущает: универсальность. Когда я задавал топы, то конкретно указывал некую проблему: есть целое, которое многопредметно. А что у вас является проблемой, мне не понятно. Вы говорите так, будто охватываете весь мир сразу.

В.И. Аришинов: Я не охватываю весь мир. Во-первых, мы здесь отказываемся от услуг постулата «внешнего», от такой экзистенциальной позиции. Мы отказываемся от услуг внешнего наблюдателя – такого наблюдателя, который как бы может отойти в сторону и смотреть на объект со стороны. Я имею в виду постнеклассическую сложность, а не трудные, сложные задачи, которые надо решить. Мир не только целостен, он является сложностным. Целостность и сложность взаимосвязаны. И я полагаю, что он таким и был, но мы об этом не знали. Данное обстоятельство можно осознать по целому ряду практик, связанных с определенными проблемами – сложностными проблемами. Во-первых, жизнь в сложности – источник инноваций. Во-вторых, она – источник фрустраций, ибо есть так называемые злополучные проблемы, например, экологические или социальные. Они парадоксальны, они саморефлексивны. Я понимаю, что уйду от прямого ответа на Ваш вопрос, потому что в той парадигме, какую Вы задаете, я могу говорить только так.

В.Е. Ленский: Мне представляется, что обсуждаемая нами тема непосредственно связана с проблемой постнеклассических стратегий управления, причем такие стратегии могут рассматриваться в рамках концептуального движения от «виртуального объекта» к «виртуальному субъекту», о которых говорят Делёз и Гваттари. Действительно, в настоящее время развитие проблематики управления социальными системами основывается на постнеклассической научной рациональности. В этой связи актуальна проблема поиска новых адекватных философско-методологических оснований и моделей для управления интеграционными и инновационными процессами в неоднородных саморазвивающихся полисубъектных средах. В центре внимания оказывается обеспечение целостности социальных образований («сборка субъектов развития»). И обращение к работам Делёза, опередившего свое время, позволяет надеяться найти основания для адекватных онтологий и моделей саморазвивающихся человекообразных сред. Я сделаю акцент лишь на одном из аспектов творчества Делёза, связанном со структурированием саморазвивающихся сред, дабы показать потенциальную возможность использования этих разработок в организации управления инновационным развитием на евразийском пространстве на примере Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Но прежде попробую обсудить, хотя бы кратко, исходные предпосылки работ Делёза. Главными принципами структурных отношений в аналитике Делёза выступают различие и повторение, предельно полное описание которых дано в одноименной книге. Структура заключается во включенности инстанции различия в зазор между конституируемыми им крайностями, которых всегда, как минимум, две. Различие – это «такой разрыв, при котором оба разорванных элемента отбрасывают и активизируют друг друга»⁴. Центр различия и повторения, являясь основанием конвергенции, схождения идеального и реального, вертикального и горизонтального, центрального и периферийного рядов, является «парадоксальным» образом и условием их расхождения, дивергенции. Дело в том, что этот «парадоксальный элемент», «нонсенс», «виртуальный объект» и т. д. конституируется исключительно за счет различия таких двух означающих серий, конституируется именно благодаря принципиальному несовпадению этих рядов, из-за фундаментальной блуждающей «асимметрии». «Виртуальный объект – частичный не просто потому, что ему недостает оставшейся в реальной части, но в себе и для себя, поскольку он расщепляется, разделяется на две виртуальные части, одной из которых всегда недостает другой», – пишет Делёз⁵.

Структура, по Делёзу, состоит из «децентрированного центра» и двух различаемых им проекций – вертикальной проекции как интродекции и горизонтальной проекции. Эта структура напрямую соотносится со временем. Однако она не просто накладывается на время, каждая составляющая структуры строго темпорально акцентирована. Децентрированный центр конституирует непрерывную функцию. Теперь, вертикальная проекция сжимает прошлое, а горизонтальная проекция разжимается в будущее. Дискурс Делёза стремится ко все более точному схватыванию структуры, становление которой происходит в направлении зазора между «идеальной» и «реальной» проекциями этой структуры. То есть уточнение нацелено на их схождение и пересечение.

⁴ Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1998. С. 62.

⁵ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 130.

А теперь попробуем предложить интерпретацию концепции Делёза в перспективе постнеклассики. В контексте постнеклассической научной рациональности в центре внимания оказываются субъекты, для моделирования которых диалектическая логика развития «виртуальных объектов» Делёза представляется адекватной. В какой-то степени обоснованием этого утверждения может служить модель развития «виртуальных субъектов» для управления инновационными процессами на пространстве ШОС, в которой основой является разрыв между реальным и идеальным. При этом допустимо предположить, что «центры» в понимании Делёза можно интерпретировать как «центры сборки виртуальных субъектов».

Приведу пример аналогий идей Делёза с постнеклассической моделью управления инновационным развитием на пространстве ШОС. В последние два года на пространстве ШОС уделяется большое внимание созданию инфраструктур обеспечивающих инновационные процессы. В центре внимания оказались инжиниринговые центры, имеющие ярко выраженную рыночную ориентацию. В рамках работы этих центров вне рассмотрения остаются следующие важнейшие вопросы инновационного развития на пространстве ШОС и в целом на евразийском пространстве: как связаны инновационные проекты с развитием субъектов ШОС и ШОС в целом (*развитие*)? целесообразна ли реализация конкретных инновационных проектов с точки зрения пользы для развития (*продуктивность*, затраты и др.)? какие угрозы несет конкретный инновационный проект для отдельных субъектов ШОС и ШОС в целом (*безопасность*)? как воспримет население конкретный инновационный проект на пространстве ШОС (*удовлетворенность*)? При отсутствии ответов на эти вопросы имеет место разрыв между инновациями и развитием! Инновации ради инноваций выводят эти процессы из сферы стратегического развития. Следствием становится потеря *целостности* развития участников и ШОС как организации.

Для обеспечения согласованности инновационных процессов с интересами развития отдельных участников и ШОС в целом необходимо организовать информационное (модельное) пространство, адекватное поставленной проблеме. Я предлагаю построение модельного конфигуратора организации совместного инновационного развития на пространстве ШОС.

Идеальные модели задают видение *образа будущего*. *Вектор развития* отдельных субъектов и ШОС в целом определяется через соотнесение реальных и идеальных моделей. Выделим также частные аспекты назначения конфигуратора моделей инновационного развития: проектирование и поддержка «*общего поля видения*» будущего и реалий для субъектов совместного инновационного развития; основания для *коллективного договора* субъектов и поиска адекватных механизмов совместного инновационного развития; задание *оснований для критериев* организации совместного инновационного развития субъектов; возможности *выявления вызовов, угроз и предложений* по совместному инновационному развитию и его непрерывному мониторингу; основания для разработки механизмов *использования «мягкой силы»* в интересах совместного инновационного развития; создание предпосылок для *преодоления «экономического редуccionизма»* и эгоизма участников инновационного развития; создание условий для *формирования саморазвивающейся инновационной среды*.

Создание модельного конфигуратора организации совместного инновационного развития на пространстве ШОС позволит реализовать критерии организации такого развития: *продуктивность* – определяется через соотнесение динамики реальных и идеальных целевых характеристик моделей отдельных субъектов и среды в целом; *безопасность* – определяется через негативные тренды во всех характеристиках реальных и идеальных моделей; *развитие* – определяется через позитивные тренды во всех характеристиках реальных и идеальных моделей; *удовлетворенность* – определяется через оценку субъективных мнений различных представителей субъектов совместного развития и субъектов внешней среды.

Фактически, предлагаемая модель управления саморазвивающейся поли-субъектной средой имеет явные аналогии с изложенными выше идеями Делёза. И четко просматривается аналогия «виртуальных субъектов» Делёза с непрерывно меняющимися «виртуальными субъектами» в предлагаемой модели. Напрашивается вывод о целесообразности более глубокого изучения работ Делёза с прицелом на дальнейшее совершенствование постнеклассических моделей управления социальными системами.

А.С. Плахов: Исследователям творчества Делёза хорошо известна установка, напрямую декларируемая им вместе с Гваттари в книге «Что такое философия?»: «Творить всё новые концепты – таков предмет философии»⁶. Для Делёза все развитие философии в целом оказывается связано именно с порождением и трансформациями множества разнообразных концептов, выступающих заменой (или же задающих иной подход) к тому, что принято называть «философскими понятиями и концепциями». При этом концепты, созданные самим Делёзом, часто оказываются достаточно сложными конструктами, которым присуща изменчивость, открытость для новых обновлений, вносимых в соответствии со стратегиями использования конкретного концепта, его применения к тем или иным областям и задачам. Важно учитывать и то, что в ходе претерпеваемых изменений «концептам незачем быть последовательными»⁷. То есть в различные периоды своего развития концепт вполне может принимать сильно отличающиеся друг от друга формы.

Для концептов, привнесенных в философию Делёзом и Гваттари, последний аспект дополняется еще и тем, что данные философы не стремились связать любой из них только лишь с одним базовым философским направлением. Эти концепты уже с момента своего появления могут соотноситься, например, с областями онтологии, эпистемологии или методологии. Кроме того, многие из них имеют отношение не только к философии, но и к другим дисциплинам. Так, концепт, изначально тяготевший к одной философской области, способен в процессе своего развития переходить (перетекать) в другую. Причем производимые преобразования не исключают возвращения к истокам, создания комбинаций в смысловом содержании, возникновения противоречий между различными этапами развития концепта и т. д.

Хорошим примером может послужить концепт «тело без органов». Первоначально он был введен в работе «Логика смысла»⁸ и соотносился преимущественно с областями психологии, эпистемологии, лингвистики, философ-

⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? С. 15.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011. С. 120.

ской антропологии. Далее в «Анти-Эдипе» данный концепт обрел социально-философское (напрямую соотнесенное с психологической проблематикой) и, отчасти, физико-биологическое содержание. Затем в «Тысяче плато» он стал тяготеть к сферам онтологии, физики и биологии, социально-философские моменты в нем начали отходить на второй план, хотя психологический аспект все еще оставался существенным. Еще один пример – связанный с телом без органов концепт «ризома», который задает как универсальную методологию осмысления окружающей реальности, так и предлагает новый эпистемологический подход, а также особое онтологическое прочтение мира. В дополнение к уже названным, можно упомянуть концепт «поверхность», привязывающий возникновение смысла к поверхности физических предметов (вещей), из-за чего в нем эпистемологический и онтологический моменты оказываются взаимозависимыми.

Подобная разнонаправленность Делёзианских концептов приводит к частому несовпадению трактовок одного и того же концепта у различных исследователей. Соответственно, в их собственных философских построениях использование этих концептов тоже будет различаться. Однако, пожалуй, сам Делёз не увидел бы в этом чего-то ошибочного и губительного, поскольку предпочитал придерживаться плюралистических позиций, был сторонником примата многообразия над однообразием и единством, а его подход к осмыслению чужого философского наследия предполагал большую свободу обращения с исходным материалом, что оборачивалось необычным и даже немного парадоксальным прочтением последнего.

Помимо прочего, привязка концепта к нескольким разделам философии способствует созданию в нем особого внутреннего напряжения, проявляющегося в отношениях элементов концепта между собой. Вообще, в творчестве Делёза внутренние и внешние взаимоотношения между концептами, а также их частями играют важнейшую роль. Его философские построения всегда характеризуются наличием двух или более взаимодействующих элементов (иногда их бесконечно много). В частности, концепты «виртуальное» и «актуальное» взаимодополняют и взаимообразуют друг друга, формируя пару, схожую с Инь и Ян. Они никогда не могут объединиться или слиться, например, придя к некому Единому, подводящему итог взаимодействия и нейтрализующему их самостоятельную значимость. Каждая из сторон неспособна поглотить другую. Взаимоотношения данных концептов создают особую зону, своеобразный зазор между ними, где происходит переход от виртуального к актуальному. Именно в этой зоне и наличествуют напряжения, сопутствующие их взаимоотношениям. Она одновременно разделяет и связывает два рассматриваемых концепта.

По сути, напряжения и отношения являются внутренней движущей силой всей Делёзианской философии, возникающей, развивающейся и существующей благодаря им. Можно привести много примеров, иллюстрирующих это. Уже упоминавшийся выше концепт «поверхность» соседствует и взаимодействует в «Логике смысла» с концептами «глубина» и «высота». Причем сама поверхность, принадлежа одновременно порядку вещей и порядку смыслов, служит зоной отношений/напряжений между ними. «Тело без органов» в «Анти-Эдипе» вступает во взаимоотношения с «желающими машинами», а затем в «Тысяче плато» – со «стратами». В работе «Что такое философия?» концепт

«план имманенции» задается в его отношении с концептами «план композиции» и «план референции». Эти планы, взаимодействуя с рядом дополнительных элементов – первый с концептами как таковыми и концептуальными персонажами, второй с ощущениями и эстетическими фигурами, третий с функциями и частичными наблюдателями, образуют, соответствующие области – философии, искусства и науки. Концепт «складка» в книге «Складка. Лейбниц и барокко» предполагает, что каждая складка может включать в себя множество других складок, которые взаимодействуют и между собой, и с объединяющей их складкой. Что важно, во всех перечисленных примерах, а также в иных случаях взаимоотношения и напряжения служат также задачам структурирования философских построений.

В конце хотелось бы отметить, что указанные особенности Делёзианских концептов, безусловно, отнюдь не исчерпывают всего разнообразия отличительных черт, всей палитры свойств, присущих наследию рассматриваемого философа. Но я и не претендую раскрыть их все. Моя цель в данном случае – выявление нескольких исходных свойств, характеризующих концептуальный аппарат Делёза, являющихся, как мне представляется, краеугольными для всего Делёзианского философствования в целом и определяющих его ключевые черты, подходы, направления и стратегии развития. В силу этого они помогают понять общий настрой мысли Делёза и упорядочить наши представления о ней.

Е.М. Шулепов: Слушая разные выступления (прежде всего Вадима Марковича и Владимира Евгеньевича), я заметил, что в принципе довольно трудно выявить специфику, уникальность онтологии Делёза. Сейчас Андрей Сергеевич пытался объяснить, что та же «ризомы» – это скорее метафора, некий намек на онтологию, который не требует какого-то подробного, развернутого и систематичного пояснения. Вадим Маркович высказал справедливое замечание – проект онтологии Делёза очень трудно определить. Конечно, это не традиционный – метафизический – подход, в котором постулируется реальность существования некоего объекта, обладающего некоторыми реальными свойствами, в то время как мы – субъекты – эти объекты наблюдаем, описываем, конституируем. Нет, Делёз точно не является наследником метафизической онтологии. В то же время, он не принимает и модель Канта; мы не увидим у него никаких отсылок к трансцендентальному субъекту, априорным формам чувственности или рассудка.

Когда я впервые читал «Логику смысла», то озадачился следующим: «А чем это принципиально отличается от феноменологии?». Ведь и у Мерло-Понти, и у Делёза говорится о сложностных объектах, которые не существуют вне сознания. Тем не менее это не феноменология, и вот почему: Делёз принципиально отказывается от модели «наличия и тождества», разворачивает свой знаменитый проект «различия и повторения». Но возникает другой вопрос: «При том, что с феноменологией у Делёза немало общего, в чем же его уникальность?». Позже я смог это понять, обратив внимание на один из важнейших онтологических, гносеологических и, как это удачно заметил Владимир Евгеньевич, методологических концептов Делёза – на «тело без органов». Сам он прямо говорил, что данный концепт был взят им у Антонена Арто. Что же имел в виду Арто под этим странным словосочетанием? Это субъект, но в очень непривычном для традиционной онтологии смысле. Это то, что «не на-

ходится, а возгорает»; хаосмический и трансгрессивный поток желания. Само Желание не предполагает нехватки. Оно является избыточным, творческим. Делёз был согласен с таким пониманием субъекта – неустойчивым, гиперподвижным и неуловимым; именно эта тема «избыточного желания» становится основой для Делёзианской онтологии субъекта (если это можно так назвать), а также для критики Жака Лакана в «Анти-Эдипе». В общем, нельзя сказать, что есть некто познающий или нечто познаваемое. Это, скорее, безудержное становление и взаимодействие (подчас противоречивое) огромного числа разных неустойчивых частиц, сингулярностей. Да и мир как таковой перестает определяться оппозицией «реальное–вымышленное», которая уступает место оппозиции «виртуальное–актуальное».

Но тогда каков статус Истины в проекте Жюль Делёза? Тоже нетипичный для традиционной онтологии. Вспомните, что было в самом первом парадоксе «Логика смысла», как Делёз обыгрывает Платона. Если вкратце, то предлагается некий «перевертыш» платоновской схемы. Если у Платона были совершенно неизменные и незыблемые идеи, а также шаткие и непостоянные, изменчивые подобию, то Делёз предлагает, как бы спуститься на один уровень ниже. Тут он очень кстати вспоминает робкое предположение из платоновского «Кратила», которое разворачивает тему того, что помимо устойчивых подобий, имеет место текучее движение, уклоняющееся от подобий. Делёз предлагает мыслить два уровня: полная текучесть и брожение внизу, а на поверхности – более-менее устойчивые конstellляции, образования. Тут же мне вспомнилось одно из писем Арто, написанное Жану Полану. В нем было объяснение того, почему Арто пишет «нестройно, диссонирующее». Суть в следующем: никто никогда не может сказать ничего до конца, какие бы способы говорения, жестикюляции и артикуляции не использовались. По мнению Арто, в этом и состоит особый трагизм пишущего – он мыслит невысказанное, но никогда не сумеет это выразить. В свое время Морис Бланшо (как известно, университетский друг Делёза) был особенно поражен именно этим письмом, и позже это подтолкнуло его к созданию концепции «умирающей литературы». Не так давно я ознакомился с письмами Делёза об Арто и обнаружил, что сам он ценил Арто именно за такое прозрение о «письме-к-смерти», литературе, обреченной уходить в Ничто, а не нечто описывать ясно и живо. Как мне кажется, статус Истины в проекте Делёза и его философия языка сопряжены. Если в онтологии он предлагает «различие и повторение» вместо «наличия и тождества», то по отношению к Истине – «скольжение и Ничто» вместо «ясности и полноты». Тогда становится понятно, почему Делёза настолько увлекали «поверхности», линии ускользания и всевозможные эксперименты с выражением.

Напоследок, хочу заметить: я ни в коем случае не утверждаю, что Делёз составил свой философский проект, во многом опираясь на Арто. Есть куда более значимые и любимые Делёзом авторы: Спиноза, Бергсон, Ницше, Лейбниц. Однако наблюдение за, казалось бы, не самой значительной для творчества Делёза переключкой, позволяет хоть немного понять «изюминку» его творчества, сделать ее более-менее переводимой для традиционных постановок вопросов и проблем.

Е.Н. Князева: Я бы хотела обратить ваше внимание на некоторые аспекты феномена сложности, которые конгруэнтны концептуальным построениям Жюль Делёза. Наше понимание феномена сложности строится на современной

теории сложных систем (theory of complexity) и на философии, развиваемой в связи с осмыслением этого феномена, в частности на сложном мышлении (la pensée complexe) и эпистемологии сложного (épistémologie complexe), которые разрабатывает в течение последних десятилетий французский философ и социолог Эдгар Морен. Феномен сложности – интегральный: раскрывая природу сложного, мы проникаем в какие-то глубинные слои бытия, которые становятся ключом к пониманию манифестаций сложности и в природном мире, и в мире человека. Таких методологически важных аспектов феномена сложности я выделяю в рассматриваемом контексте, по меньшей мере, шесть.

– Первый – это *холизм*, который можно рассматривать и в онтологическом, и в знаниевом, эпистемологическом аспектах. Судя по всему, интегральное, холистическое видение присуще и концептуальным устремлениям Делёза, а также всему стилю его письма. С онтологической точки зрения сложность связана с системными свойствами, синергичными эффектами (возможность делать больше посредством меньшего), коллективными взаимодействиями, интеграцией и кооперацией, нелинейным синтезом и коэволюцией (С.П. Курдюмов). Синергетика, в которой изучаются сложные системы, изначально, в конце 1960-х гг., была создана Г. Хакеном как “die Lehre von Zusammenwirken”, т. е. учение о взаимодействии. Взаимодействию чего? Частей в целом. Именно связи между элементами, а не просто количество элементов, делают сложное сложным. На уровне системы в целом появляются новые динамические, эмерджентные свойства, не выводимые из свойств элементов или подсистем. При рассмотрении картины эволюции появление эволюционирующей целостности связано с возможностью согласования темпов эволюции интегрируемых в нее элементов или подсистем, попаданием их в один темпомир (идея коэволюции).

В эпистемологическом аспекте сложность связана с синтезом (в том числе с синтетическими способностями мышления), с творчеством (креативностью), а также с ломкой границ между дисциплинами, перешагиванием дисциплинарных границ, трансдисциплинарностью. Трансдисциплинарность означает стимулирование синергии между дисциплинами и подлинную интеграцию знания. Она лежит в русле нынешней практики трансформации знания, поиска конструктивного решения проблем и вовлечения ученых в решение проблем реального мира. Трансдисциплинарность предполагает, что эксперты, проводящие анализ, ученые-исследователи, деятели в сферах социальной практики, политические лидеры соединяют свои усилия, чтобы решить проблему. Но эта практическая ориентация трансдисциплинарных исследований не исключает, а напротив, базируется на фундаментальности их знаний, на холистическом видении реальности и попытке схватить реальность в ее универсальных (эволюционных, сложностных, поведенческих и т. п.) паттернах. Трансдисциплинарность предполагает креативный подход к решению проблем, рациональность открытого, творческого ума (open-mind rationality). Синтетические устремления трансдисциплинарности заключаются в том, что благодаря ей устанавливается связь между естественными и гуманитарными и социальными науками, а также искусством, литературой, поэзией и иными сферами духовного опыта. Трансдисциплинарность может выступать основой для конвергенции науки, технологии, искусства, исследований сознания и духовных практик. Трансдисциплинарность – это теорети-

ческая попытка «трансцендировать» дисциплины и тем самым отреагировать на гиперспециализацию – процесс, ведущий к драматическому росту фрагментации и раздробления знания. В эпоху Нового времени нужно было разграничить различные дисциплины, чтобы сегодня, в XXI в. понять необходимость наведения мостов между ними. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии становятся в полной мере действенными только тогда, когда вырабатывается общий трансдисциплинарный язык – метаязык, а это не такая простая задача. Кросс-фертилизация – взаимное оплодотворение различных дисциплин – способна создать новое интеллектуальное пространство.

– Вторым ключевым моментом в феномене сложности является *Re-, рекурсия* – обратная связь разного типа: отрицательная, ответственная за самоподдержание и восстановление сложных структур, и положительная, обеспечивающая самоподстегивающийся рост и расцвет сложности. Рекурсия, по Э. Морену, – это «ключевой процесс активной организации, одновременно и генетический, и родовой, и порождающий (существование, организацию, автономию, двигательную активность)»⁹. Рекурсия – генерирующая петля, в которой продукты сами становятся производителями и причинами того, что их производит. Например, индивиды в ходе взаимодействий друг с другом и посредством них продуцируют общество, а общество как целое, обладающее эмерджентными свойствами, продуцирует человеческое в этих индивидах, оснащая их языком и прививая им культуру. Рекурсия – это и автономия, поддержание идентичности системы, ее самопроизводство, или автопоэзис, который У. Матурана и Ф. Варела возвели в ранг сущности жизни. Живым системам свойственна операциональная замкнутость. Они открыты лишь отчасти, поскольку открытость является необходимым условием их жизни и самоорганизации. Но одновременно они и закрыты, отделены от других живых систем и от окружающей их среды, иначе они потеряют свою жизнь и свою индивидуальность в кишасщем океане живых существ. Рекурсия, поэтому, – это способ связи системы и среды, независимость и автономия системы и ее встраивание в среду: встраиваясь в среду, система не только поддерживает свою независимость, но и оттачивает способности, необходимые для такого поддержания. Система и среда строятся одновременно и взаимно: активность проистекает и от системы, и от среды. Применительно к сложности живых систем и человеческой деятельности этот феномен получил название энактивности¹⁰. Рекурсия есть также способ коммуникации Я–Другой или Я–Другие, без рекурсии (обратной связи) подлинная коммуникация невозможна. Живые системы способны фильтровать раздражители, которыми насыщена окружающая среда, и жить в своем мире знаков и смыслов. Биологическими корнями происхождения смыслов во вселенной занимается биосемиотика, ставшая в XX в. одной из трендовых дисциплин в развитии знания в его междисциплинарном ракурсе.

– Третий аспект феномена сложности сводится к тому, что самоорганизация сложных систем сопряжена с *эмерджентностью*. Эмерджентные свойства появляются не только у целого, но и у элементов, становящихся частями целого. Эмерджентность есть несводимость, нередуцируемость

⁹ Морен Э. Указ. соч. С. 221.

¹⁰ Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб., 2014.

свойств целого (системы) к свойствам частей (элементов или подсистем), а также несводимость более организованного к менее организованному, сложного к простому, более высокого уровня иерархии к более низкому. Морен говорил в этой связи о голографическом эффекте: во всяком сложном явлении не только часть входит в целое, но и целое встроено в каждую отдельную часть. Типичным примером является клетка и живой организм: всякая клетка является частью целого – живого организма, но само это целое присутствует в своих частях – вся полнота генетического наследства представлена в каждой отдельной клетке данного организма. Подобным образом общество в его целостности встроено в каждый индивид, общество присутствует в нем через язык, через культуру, через социальные нормы. Понимать эмерджентность просто как непредсказуемость появления новых свойств у целого и частей было бы неправомерным упрощением положения вещей. Когда говорят о непредсказуемости и непостижимости появления нового, подчеркивают только эпистемологический аспект новизны. Когда говорят, что новое возникает спонтанно, ничем не детерминировано, подчеркивают онтологический аспект. Эмерджентность, как и креативная случайность, укоренена в бытии, имеет онтологическое основание. Эволюция происходит скачками, на каждом витке эволюции появляются новые лидеры. Другими словами, в ходе эволюции имеют место фазовые переходы, эмерджентные трансформации, в которых творятся ранее неизвестные свойства. Эмерджентность – это способ рождения новизны в процессе эволюции природы и общества. Исследуя связь самоорганизации и эмерджентности, мы с С.П. Курдюмовым выделили феномен самодотраивания, который наблюдается и в сложных процессах неживой природы (например, самоорганизующиеся структуры в плазме), и в живой природе, и в восприятии и мышлении человека. Самодотраивание, как мы предположили, является механизмом работы интуиции. Фактически о самодотраивании говорит Делёз, описывая свойства ризомы: «Ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим своим линиям»¹¹.

Следующая, четвертая методологически значимая характеристика феномена сложности проявляется в *сложной связи пространства и времени*, фрактальном рисунке эволюционирующих сложных структур и связи событий в мире сложности, т. е. в самоподобии и в пространстве (масштабная инвариантность пространственных структур) и во времени (вложенные циклы, «гнездящаяся эволюция»). Сложная система как бы множит и повторяет себя на разных уровнях организации, в разных масштабах пространства и времени.

Фракталы имеют эволюционный смысл. Фрактальные закономерности можно проследить в историческом развитии населения Земли как глобальной системы и в расселении людей по земному шару. Развитие этой системы происходит крайне неравномерно в пространстве и времени. В живой природе имеет место ранжирование животных по размеру, отличающееся дискретным, скачкообразным характером. С увеличением размеров животных, как правило, возрастает продолжительность их жизни. Что касается человеческого мира, в настоящее время урбанисты выделяют 55 больших городов (*big cities*), ставших

¹¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010. С. 16.

фокусами глобальной постиндустриальной экономики и ключевыми центрами принятия решений. Расселение по городам подчиняется правилу Дж. Ципфа «ранг–размер». История мира природы и мира человека написана на языке фракталов. Развитие сложных систем в мире происходит нелинейно, неравномерно и подчинено определенным циклам, причем циклы имеют разный масштаб и накладываются друг на друга. В ходе развития формируются сложные эволюционные иерархии со структурами подчинения, уровнями самоподобия, строятся ансамбли из элементов, являющихся операционально замкнутыми, самодостаточными целостностями.

Пятый аспект, который я выделяю, связан с тем, что законы форм, паттерны самоорганизации вырисовываются через игру случайностей, через цепочки *метаморфоз*, превращений. О метаморфозе Морен говорит, что о ней не предполагаешь, пока она не произойдет. Путь от простого к сложному, морфогенез – самый трудный для понимания феномен, как в биологии, так и в науках о человеке. Сложные системы «живут», поддерживая свою тождественность, претерпевают циклы автопоэзиса путем переключения различных режимов функционирования. Каким образом происходят метаморфозы? Теория сложности показывает, что имеют место фазовые переходы, качественные скачки и появление эмерджентностей, структурные перестройки. Делёз говорит о «сборках», подчеркивая конструктивный и проективный момент превращений, а также об «а-означающих разрывах» и разрушениях, в результате которых происходит не остановка, а самовозобновление роста.

Наконец, шестой аспект: самоорганизация сложных структур связана с поддержанием их *множественности и разнообразия*. Эта теоретическая установка и стратегическое устремление также роднит позиции теоретика сложных систем и Жюль Делёза. «Да здравствует множественное! <...> Множественное нужно создать»¹², – призывает нас Делёз, хотя и отмечает, что такое восклицание довольно трудно из себя выдавить. С позиции теории сложности можно было бы добавить, что множественное необходимо лелеять, культивировать. Разнообразие элементов, согласно известному принципу теории систем, является основой устойчивости сложной системы, поскольку обеспечивает ее готовность к многовариантному будущему, чреватому неустойчивостями и рисками. Разнообразие и множественность лежат в основе конкуренции, являющейся двигателем прогресса в живой природе и в человеческом обществе (экономике и политике). Множественное – это диалог разного, а вести диалог значит держать экзамен души и уметь находить истину.

О.В. Аронсон: Прежде всего хотелось бы сразу же установить некоторую дистанцию по отношению к разнообразным пониманиям сложности, таким как, например, сложность информационная (и в частности то, что называют сложностью по Колмогорову), сложность систем, алгоритмическая сложность решения задач (известная NP-проблематика в теории алгоритмов), а также та, которую Пригожин противопоставляет «простоте» «физики существующего», связывая ее с «физикой возникающего», с физикой динамических, становящихся систем. И хотя последняя наиболее близка идеям Делёза, а сам французский философ неоднократно ссылается на работы Пригожина, однако, как мне кажется, следует воздержаться от скоропалительных аналогий и сопоставлений.

¹² Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. С. 11.

Тем не менее налицо очевидный интерес к сложности как к проблеме в самых различных областях знания. И здесь важно понимать, что этот интерес есть некоторая реакция на то, что простота в паре простота–сложность интеллектуально и ценностно доминантна. Она лежит в основании рациональности, в основании объяснительных моделей мира, которые с некоторой натяжкой, но все же можно назвать европоцентричными. Сюда входит христианская простота отношения к ближнему, устранившая ненужную множественность (и как следствие, сложность) исполнения заповедей и многочисленных предписаний (мицвот) и противостоящая изошренности римского права. Но также сюда попадает и простота как принцип объяснения мира от Оккама и Декарта до Витгенштейна и, каким бы странным это ни казалось, Хайдеггера. Помимо того, что сегодня совершается попытка пересмотра отношений простоты и сложности, под вопрос следует поставить и саму эту пару. Почему, собственно, простота и сложность составляют для нас пару? Почему мы мыслим сложность исключительно как усложнение того, что изначально просто, а простоту – как редукцию сложного к существенному или даже сущностному?

Если говорить о философской стратегии Жюль Делёза, то надо сразу же сказать, что сама оппозиция «простота-сложность» в его философии невозможна. В его философии просто-напросто нет простого (прошу прощения за невольный каламбур). Антиметафизическая направленность философии Делёза выражается в том, что, разделив философию на трансценденталистскую и имманентистскую традиции, указав не господство первой и маргинальность второй, он занимает сторону миноритарной, униженной традиции, которую находит в философии стоиков, Спинозы, Лейбница, Бергсона. Но при этом имманентистские мотивы Делёз выявляет даже у таких отъявленных трансценденталистов, как Кант, демонстрируя, что само противопоставление этих традиций – своего рода политика внутри философии. Для него важнее показать, как то, что мы связываем с мышлением, оказывается проявлением всей сложности мира в том, что он называет в «Логике смысла» *событием* (нон-сенсом, парадоксом), указывающем на ситуацию неразрешимости, невозможности сведения его ни к какой уже имеющейся в нашем распоряжении схеме понимания или к единому объяснительному принципу. Впрочем, это же можно сказать и о других современных имманентистах, таких как Антонио Негри или Франсуа Ларюэль. У них всех мы находим недоверие к простоте, которая всегда удобна, иллюзорна, идеологична и связана с метафизическим удвоением мира, разделением мира на истинный мир и его человекомерный образ. То есть если мы имеем мысль о мире, то эта «мысль о» (первичная теоретизация, выделение предмета мысли, разделение на субъект и объект познания, на явление и сущность, на реальность и представление) несет в себе ту миметическую конструкцию, в которой неявно заложен способ ограничения мира. И всегда остается вопрос о соответствии одного мира (мира истин) и другого (мира эмпирических данностей), которые по неизвестным причинам должны соответствовать друг другу. Именно в противовес этой логике соответствия Делёз вводит свою логику события, невозможности соответствия. Но последняя требует не столько теоретических умозаключений, сколько эксперимента с той сферой опыта (чувственного и понятийного), который сопротивляется сведению его множественности и гетерогенности к Единому, сущности или истине.

Таким образом, если мы, исходя из основных посылок Делёза, ставим вопрос о соотношении простоты и сложности, то должны сказать, что в мире, метафизически обустроенном, есть только простота и варианты ее замутнения (усложнения), а в мире имманентистской философии никакой простоты нет, нет «мысли о», а есть мысль как новый опыт, и для него прежнее разделение на чувственное и интеллектуальное уже невозможно. Делёз поэтому и говорит о философии (в совместной с Феликсом Гваттари книге «Что такое философия?»), как о таком пространстве, где не только происходит какая-то понятийная работа, но и обнаруживается неизбежная неразрывность «перцепта» (то в опыте, что превышает возможности чувственного восприятия) и «понятия» (то в мысли, что превышает возможности мышления), для которого в русском переводе книги использовано слово «концепт». Вот это превышение или, точнее, несовпадение с теми образами чувственного и интеллектуального познания, которые сформированы в метафизической традиции, и есть маркер сложности.

Можно об этом говорить и по-другому, указав именно на человекомерность простоты. Человек как существо ограниченное и своими способностями, и своей конечностью, не в состоянии охватить мир в целом, но при этом преисполненный богоборческих амбиций, постоянно создает теоретические протезы, чтобы удержать единство мира. И даже картезианское «сомнение», несмотря на всю свою близость к смирению перед всемогуществом бога, необходимо для того, чтобы нивелировать тревожащую фигуру Бога-обманщика: обман оказывается возможен лишь на уровне тела (иллюзии, фантазмы, ошибки восприятия), но *cogito*, понятое как *dubito*, радикально отмежевывается от чувственного измерения опыта, обнаруживая душу как место божественного в человеке. Этот принцип наследует и феноменологическая редукция, стремящаяся к интенциональности чистого опыта сознания, для которого самым сложным оказывается открытие невинности восприятия, уровня предельной простоты сознания, по-прежнему оказывающееся «сознанием чего-то» и не могущее быть иным.

Таким образом, в мире теории нет сложности, а есть лишь усложненность простого. А в формальной математике, например, где, казалось бы, нет никакой дополнительной реальности, кроме цепочек математических высказываний, через систему простейших аксиом и правил вывода фактически создается некая «реальность абстракции», стремящаяся к тому, чтобы быть эквивалентом единого (общего) мышления.

Что же касается Делёзианского подхода, то для него отправной точкой оказывается тот пункт, где уже не замечаемая нами теоретическая удвоенность мира заявляет о себе в парадоксе, который невозможно нивелировать фигурой единства. Потому-то Льюис Кэрролл, акцентирующий в «Алисе...» моменты несовместимости языка и мира, реальности и ее возможных образов, оказывается для Делёза в большей степени философом, нежели те, кто принадлежат этой институции. Согласно Делёзу, там, где нами утверждается единство (или хотя бы единый объяснительный принцип), надо искать множественность, другим именем которой является «различие». Оппозиция – это не различие. Оппозиция – теоретическая модель, призванная нивелировать сложность различия. Там, где действует оппозиция, уже сформирована мысль о предмете, уже введена система аксиом. Оппозиция – тень метафизического удвоения. Даже

если эта оппозиция диалектическая. Различие же утверждает не единство, а множественность в ситуации события, данного как неразделимое целое. Целое (*le tout*) как логический принцип определяется не объектами (целое необъективируемо), а полнотой отношений с какими-угодно-объектами и реализуется Делёзом и Гваттари в понятиях ризомы, тела без органов, ритуernelи, а также в Делёзианской концепции виртуального кинематографического образа. Тезис Делёза, гласящий, что виртуальное реально, указывает: сама оппозиция «виртуальное–реальное» иллюзорна, то есть призвана упростить сложные отношения между перцепциями, аффектами и мышлением, готовыми к появлению нового, бессубъектного аппарата восприятия, который и поставляет кинематограф. Любое «я», любое человеческое присутствие требует актуализации виртуального образа, сведения многочисленных аффектов памяти и фантазмов к конкретности изображения. Потому, когда мы рассматриваем кино исключительно как систему изображений, то движемся путем упрощения. Нечеловеческое измерение кинематографа (его нередуцируемая сложность) заключается в том, что это и есть тот мир существования и мышления, для которого такие вещи, как «человечность», «истинность», «подлинность», перестают иметь значение или, если выразаться строго, обретают значение только *post factum*, после наложения на этот мир моральной, эстетической или политической реальности. Сегодняшний человек претерпевает становление животным не в природе, а в пространстве технологически созданных виртуальных образов кинематографа, обретая именно в них свою имманентность миру. И логика этого мира (логика целого) требует для себя не изобразительных знаков, а новой семиотики образов-элементов, которую и пытается с опорой на Пирса и Бергсона выстроить Делёз (подобную попытку в отношении литературы он делал в книге «Пруст и знаки»). В чем-то это близко забытой логике стихий («элементов») досократиков, в которой нечеловекомерное время вечности оказывается эмпирически доступным наравне с протекающим временем жизни.

Подытоживая, можно сказать, что сложность требует для себя иного языка, нежели язык, всей эпохой рациональности ориентированный на упрощение. Параллельно этот язык ищется и в физике, и в математике, и в политике, и в искусстве. Квантовая физика становится прообразом языка сложности для нефилологии Ларюэля, спинозистская революционная (и всегда антигосударственная) демократия – для понимания политики у Негри. Альбер Лотман и Мандельброт, каждый по своему, устраняют оппозицию абстрактного и конкретного в отношении математических объектов, что важно для Делёза... Все это – пути ухода от простоты устойчивого мира аксиом и теорем, к полноте и зыбкости мира гипотез и опровержений, где каждая аксиома готова быть отброшенной, а любое доказательство – опровергнутым.

Я.И. Свирский: Закрывая наше обсуждение, должен подчеркнуть, что сегодня было высказано много разных точек зрения и о парадигме сложности, и о творческом наследии Делёза, и о конвергенции (но не полном слиянии) данных сюжетов, и это, на мой взгляд, открывает путь для создания новых концептов, которые позволят по-иному «экспериментировать», как сказал бы Делёз, с собственным существованием. В связи с этим завершить нашу встречу хотелось бы цитатой из лекций Делёза, посвященных Лейбницу: «Концепты – это сигнатуры духа. Но это не значит, что все это происходит только в голове, так как

концепты – это еще и образы жизни; и если философ мыслит не больше, чем художник или музыкант, то это происходит не по выбору и не благодаря рефлексии: разные виды деятельности определяются через творчество, а не через рефлексивное измерение»¹³.

Материалы круглого стола подготовлены к печати *Я.И. Свирским*, в.н.с. Института философии РАН

Список литературы

Делёз Ж. Лекции о Лейбнице 1980, 1986/1987 г. / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 375 с.

Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Акад. проект, 2011. 272 с.

Делёз Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998. 284 с.

Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Логос, 1998. 262 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 894 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 1998. 286 с.

Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 352 с.

Кузнецов В.Ю. «Реконфигуратор» 2.0: развертка программы // *Гиренок Ф.И., Кузнецов В.Ю., Ермолаев М.С.* Максимумы. М.: Ин-т общегуманитар. Исслед., 2014. С. 79–180.

Морен Э. Метод. Природа Природы / Пер. с фр. Е.Н. Князевой. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 487 с.

Paradigm of complexity in perspective of philosophical strategy of Gilles Deleuze. Papers of the “round table”

Participants:

Oleg Aronson

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; Senior Research Fellow. Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Square, 125993, Moscow, Russian Federation; e-mail: olegaronson@yandex.ru

Vladimir Arshinov

DSc in Philosophy, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: varshinov@mail.ru

Vladimir Budanov

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: bvg55@yandex.ru

¹³ *Делёз Ж.* Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/1987 г. / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 2015. С. 17.

Helena Knyazeva

DSc in Philosophy, professor. National Research University “Higher School of Economics”. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow 101000, Russian Federation; e-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Vasily Kuznetsov

CSc, assistant professor. Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: vassilik@mail.ru

Vladimir Lepsky

DSc in Psychology, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: lepsky@tm-net.ru

Andrey Plahov

The post-graduate student. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: denaryp@gmail.com

Vadim Rozin

DSc in Philosophy, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

Yakov Svirskiy

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: svirskhome@yandex.ru

Evgenie Shulepov

The student. Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: e.shulepov@list.ru

The round table rises important questions – the questions concerning developments of the conceptual apparatus which would provide constructive movement within the limits of a complexity paradigm. These problems concern the status of the such paradigm, how it is accepted or not accepted in natural-science and philosophical traditions, what influence it renders to express its specificity on description languages. Different aspects and ways of understanding of complexity are considered in a context of the conceptual strategy which is offered by the French philosopher Gilles Deleuze. During the discussion an attempt of re-thinking the relation of methodology and ontology, parts and whole, a text and a context etc. is undertaken. Also the problem that draws attention of the participants of a round table is the conceptualization of the opposition “simple–complex”. Within the limits of the discussion on the dichotomy “simple–complex” possible approaches to complex thinking are considered to construct the concept “complex vision of the world”. In this aspect the construction ontology of nonclassical type, the ontology, which is based not on static vision of the world, not on identity, but on dynamics, on becoming, is discussed. The accent is done on dynamics and on removal of classical dichotomies, for example on removal of dichotomy “methodology-ontology”. This suggests a new postnonclassical ontology and special type of methodology. The special attention is given to the problem of observer, considering that the conceptual

character “observer of complexity” is found almost in all later works of Deleuze. Thus the emphasis is made on a role of recursion and communications during such observation. In this context complexity is seen as a recursive process between integrity and partiality which basic premise is the idea of distinction. The observer of complexity is the observer creating distinctions, staying in the nonequilibrium, uncertain situation which is open for the future having in the past the set of causes and effects for retrospective explanations which however cannot serve as a support for the determined forecasts of the future events. Position, according to which it is necessary to refuse the position of the external observer, considering this or that state of affairs from outside, is put forward. Moreover, we have in mind postnonclassical complexity, but not difficult complex problems that we have to solve. And this fact can be grasped from a number of practices related primarily to innovation activities. Also the special attention is given to postnonclassical control strategy of complex systems which can be considered in terminology of Deleuze as movements from “virtual object” to “the virtual subject”. The considerable attention in performances is given to the status of truth in a paradigm of complexity (In perspective of philosophical strategy of Deleuze). At last, the considered theme is developed in a context of congruence of philosophies of Deleuze with philosophical and research strategy of Edgar Moraine (the author of the term “paradigm of complexity”) and also with the theory of autopoiesis offered by Francisco Varela and Humberto Maturana.

Keywords: complexity, interdisciplinarity, transdisciplinarity, sense, rhizome, communication, context, entanglement

References

Deleuze, G. *Lektzii o Leibnize 1980, 1986/1987 g.* [Lectures on Leibniz 1980, 1986/1987 y.], trans. by B.M. Skuratov. Moscow: Ad Marginem Progress Publ., 2015. 375 pp. (In Russian)

Deleuze, G. *Logika smisla* [The Logic of sense], trans. by Y.I. Svirskiy. Moscow: Akademicheskii proect Publ., 2011. 272 pp. (In Russian)

Deleuze, G. *Razlichie I povtorenie* [Difference and Repetition], trans. by N.B. Mankovskaya and E.P. Yurovskaya. St.Petersburg: Petropolis Publ., 1998. 284 pp. (In Russian)

Deleuze, G. *Skladka. Leiybniz I barokko* [The Fold. Leiybniz and the Baroque], trans. by B.M. Skuratov. Moscow: Logos Publ., 1998. 262 pp. (In Russian)

Deleuze, G., Guattari, F. *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?], trans. by S.N. Zenkin. St.Petersburg: Aleteya Publ., 1998. 286 pp. (In Russian)

Deleuze, G., Guattari, F. *Tisyacha plato: kapitalizm I shizofreniya* [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia], trans. by Y.I. Svirskiy. Ekaterinburg: U-Factoriya Publ.; Moscow: Astrel' Publ., 2010. 894 pp. (In Russian)

Knyazeva, H.N. *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enaktivizm: a new form of constructivism in epistemology]. Moscow, St.Petersburg: Tzentr gumanitapnih initsiativ Publ., 2014. 352 pp. (In Russian)

Kuznetsov, V.Y. “Rekonfigurator” 2.0: razvertka programmi” [“Rekonfigurator” 2.0: Program scan], in: F.I. Girenok, V.Y. Kuznetsov, V.C. Ermolaev, *Maksimi* [Maxims]. Moscow: Iystitut Obshegumanitarnih Issledovaniy Publ., 2014. pp. 79–180. (In Russian)

Morin, E. *Metod. Priroda Prirodi* [The method. Nature of Nature], trans. by H.N. Knyazeva. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2005. 487 pp. (In Russian)